

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРОЛЯ СТАНИСЛАВА ПОНЯТОВСКАГО¹⁾.

Непріятное приключеніе 6 Іюля 1757 года.

Въ свитѣ принца Карла (Саксонскаго) состоялъ Браницкій, въ настоящее время полный генералъ. Совѣзмъ еще молодой тогда (1757), онъ былъ уже извѣстенъ по двумъ доблестнымъ кампаніямъ, которыя совершилъ волонтеромъ въ Австрійской арміи, вмѣстѣ съ тѣмъ же принцемъ Карломъ. Съ самаго прибытія въ Петербургъ, онъ выражалъ мнѣ желаніе заслужить мою дружбу, и дѣлалъ это такъ своеобразно, такъ порыцарски, что мнѣ пришла мысль испытать его въ странномъ приключеніи, о которомъ сейчасъ разскажу.

По обороту, которое приняло дѣло великаго канцлера²⁾ и по тому, что обстоятельства Петербургскаго и Варшавскаго дворовъ становились для меня все болѣе и болѣе щекотливыми, я счелъ за нужное удалиться на нѣкоторое время изъ Россіи, взявъ отпускъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ вернуться въ срокъ и къ своему мѣсту³⁾.

Отъ одной этой мысли я участилъ мои ночныя поѣздки въ Ораниенбургъ, гдѣ пребывалъ малый дворъ, что облегчалось моимъ переездомъ въ Петергофъ, по случаю нахождения въ немъ принца Карла, и приближало меня на двѣ трети пути къ моему предмету.

Привыкнувъ къ постоянной до тѣхъ поръ удачѣ, какъ въ моихъ переодѣваніяхъ, такъ и во всѣхъ способахъ, относящихся къ этимъ поѣздкамъ, я совѣзмъ потерялъ изъ виду всю ихъ опасность и 6 Іюля (по старому стилю 25-го Іюня, въ Четвергъ) рѣшился поѣхать, пред-

¹⁾ Переведено съ французскаго. Списокъ съ подлинника сохранился въ бумагахъ Н. К. Шильдера. П. Б.

²⁾ Графа Бестужева-Рюмина. П. Б.

³⁾ Т. е. къ должности Польскаго представителя при нашемъ дворѣ. П. Б.

варительно не сговорившись даже съ великой княгиней, какъ дѣлалъ это постоянно. Я нанялъ, по обыкновенію, маленькую крытую телѣжку, съ извозчикомъ, не знавшимъ кого онъ везетъ. На задкѣ сидѣлъ тотъ же переодѣтый скороходъ, который меня всегда сопровождалъ въ прежнія поѣздки.

Въ эту ночь (таковой она на самомъ дѣлѣ не бываетъ въ Россіи) мы, по несчастію, повстрѣчали въ Ораніенбаумскомъ лѣсу великаго князя со всей его свитой (всѣ полушьяны!) Извозикъ былъ спрошенъ, кого онъ везетъ, и отвѣчалъ, что не знаетъ; а скороходъ сказалъ, что портного. Насъ пропустили. Но Елисавета Воронцова, фрейлина великой княгини и фаворитка великаго князя, бывшая тутъ съ нимъ, стала дѣлать такія предположенія насчетъ мнимаго портного, что великій князь пришелъ въ очень дурное расположеніе духа; и, по выходѣ моемъ отъ великой княгини, послѣ нѣсколькихъ часовъ проведенныхъ съ нею въ павильонѣ (занятомъ ею подѣ предлогомъ ваннъ), въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ, на меня напали три всадника, съ саблями въ рукахъ, схватили за воротъ и такъ привели къ великому князю. Узнавъ меня, онъ просто приказалъ мнѣ слѣдовать со мною за нимъ. Меня повели по дорогѣ къ морю, и я думалъ, что пришелъ мнѣ конецъ, какъ у самаго берега повернули на право, къ другому павильону, который занималъ великій князь. Тутъ, безъ всякихъ околичностей, онъ прямо спросилъ у меня, былъ ли я у великой княгини. Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

Онъ. Скажите мнѣ правду, и тогда все можетъ устроиться; если-же вы будете ее отрицать, то дурно проведете время.

Я. Я не могу признаться въ томъ, чего не дѣлалъ.

На это онъ пошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, какъ кажется, посоветовался съ бывшими при немъ. Немного спустя, онъ возвратился и сказалъ мнѣ:

Ну, хорошо! такъ какъ вы не хотите говорить, то останетесь здѣсь до моего дальнѣйшаго распоряженія. И, приставивъ къ дверямъ караулъ, онъ оставилъ меня въ комнатѣ одного, съ генераломъ Брокдорфомъ.

Мы съ нимъ провели два часа въ самомъ глубокомъ молчаніи, какъ вдругъ вошелъ графъ Александръ Шуваловъ двоюродный братъ фаворита*), главный инквизиторъ государственной дикастеріи, называемой

*) Т. е. Ивана Ивановича, который и жилъ во дворцахъ съ Елисаветою Петровою, тогда какъ супругъ ея, графъ А. Г. Разумовскій, помѣщался въ своемъ домѣ (нынѣ Аничковъ дворецъ). П. Б.

въ Россіи Тайной Канцеляріей. Точно для усиленія ужаса, которое вселяло одно названіе его должности, природа наградила его нервными подергиваніями, страшно безобразившими ему лицо, и безъ того некрасивое; а появлялись они всякій разъ послѣ его серьезныхъ занятій. При его появленіи, я тотчасъ понялъ, что Государынѣ все уже извѣстно. Онъ пробормоталъ въ смущеніи нѣсколько словъ, по которымъ я больше догадался, чѣмъ понялъ, что онъ спрашиваетъ объясненія всего происшедшаго.

Вмѣсто того, чтобъ приступить къ подробностямъ, я сказалъ ему: „Полагаю, милостивый государь, что для чести вашего двора, какъ и для моей, важно покончить все это съ возможно меньшею огласкою, и чтобы вы вывели меня отсюда какъ можно скорѣе.

Онъ (продолжая запинаться, такъ какъ онъ былъ и заика). „Вы правы, и я тотчасъ займусь этимъ“. Онъ вышелъ, и, меньше чѣмъ черезъ часъ, возвратился сказать мнѣ, что готова карета для меня, и что мнѣ только и оставалось какъ вернуться въ Петергофъ. Карета была жалкая, но вся въ стеклахъ, точно фонарь.

И въ такомъ-то якобы инкогнито, въ 6 ч. утра, среди бѣла дня, грустно потащился я, на парѣ лошадей, по глубокому песку. Дорога показалась мнѣ безконечною.

Не доѣзжая немного до Петергофа, я отправилъ карету, чтобъ остальной путь совершить пѣшкомъ, въ шинели и надвинутой на уши сѣрой шляпѣ. Меня могли принять за разбойника, но все же моя фигура должна была меньше привлечь вниманіе любопытныхъ, чѣмъ эта удивительная карета.

Дойдя до деревяннаго зданія, въ которомъ я помѣщался съ нѣсколькими лицами изъ свиты принца Карла, въ низенькихъ комнаткахъ нижняго этажа, всѣ окна котораго стояли открытыми, я рѣшилъ войти не черезъ дверь, изъ боязни повстрѣчаться съ кѣмъ нибудь.

Я вообразилъ, что чудесно придумалъ войти къ себѣ въ комнату черезъ окно, но вскочилъ, по ошибкѣ, въ комнату сосѣда моего генерала Роникера, котораго брили! Онъ принялъ меня за привидѣніе, и мы оба нѣсколько минутъ молчали, пока не расхохотались.

Я сказалъ ему: „Не спрашивайте меня, откуда я и почему вхожу черезъ окно; но, какъ добрый соотечественникъ, дайте мнѣ ваше честное слово, что вы никому не будете говорить обо всемъ этомъ“. Онъ обѣщался молчать, и я отправился попытаться заснуть, но безуспѣшно.

Два дня провелъ я въ самомъ жестокомъ смущеніи. Я отлично видѣлъ по взглядамъ, что мое непріятное приключеніе всѣмъ извѣстно, хотя никто не заговаривалъ о немъ со мною. Наконецъ, великая княгиня нашла способъ прислать мнѣ записочку, изъ которой я понялъ, что она сдѣлала уже попытку расположить къ себѣ фаворитку своего мужа. На слѣдующій день великій князь съ супругой и весь дворъ пріѣхали въ Петергофъ на 29-ое Юня ст. ст., день Св. Петра (При дворѣ его праздновали въ память основателя Петергофа).

Вечеромъ этого же дня былъ придворный балъ. Танцуя минуешь съ Елисаветой Воронцовой, я ей сказалъ: „Вы бы могли сдѣлать нѣсколькихъ лицъ счастливыми“. Она отвѣчала: „Это почти что сдѣлано; приходите, въ часъ ночи, съ Львомъ Александровичемъ *) въ Monplaisir, гдѣ помѣщаются ихъ императорскія высочества, въ нижнемъ саду“. Я пожалъ ей руку и пошелъ уговориться съ Нарышкинымъ. „Приходите, сказалъ онъ мнѣ; вы меня найдете у великаго князя“.

Пораздумавши немного, я сказалъ Браницкому: „Не хотите-ли рискнуть погулять со мной въ нижнемъ саду? Богъ знаетъ, куда насъ приведетъ эта прогулка, но, вѣроятно, она кончится хорошо“. Онъ тотчасъ же согласился, и мы отправились въ назначенный часъ въ указанное мѣсто. Шагахъ въ двадцати передъ гостиной, я встрѣтилъ Елисавету Воронцову, которая сказала мнѣ: „Вамъ нужно подождать здѣсь нѣкоторое время; у великаго князя курятъ трубки, и онъ хочетъ сперва отдѣлаться отъ нихъ, прежде чѣмъ увидѣтъ васъ“. Она нѣсколько разъ ходила посмотреть, не наступилъ-ли ожидаемый нами часъ. Наконецъ, я услышалъ: „входите“ и, вслѣдъ за этимъ, великій князь подходитъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и говорить: „Ну, не великій-ли ты шутъ, что не посвятилъ меня во-время въ свою тайну? Знай я ее, не было бы и никакой исторіи“.

Я разумѣется согласился съ нимъ во всемъ, и тутъ же сталъ превозносить глубину военныхъ талантовъ его императорскаго высочества, отъ которыхъ мнѣ нельзя было избавиться. Этимъ я ему такъ польстилъ и привелъ его въ такое хорошее расположеніе духа, что, черезъ четверть часа, онъ говорить мнѣ: „теперь, что мы добрые друзья, тутъ кого-то еще недостаетъ!“ И, вслѣдъ за этимъ, онъ пошелъ въ комнату своей жены, заставилъ ее встать съ кровати и, давши ей только время натянуть чулки, даже безъ башмаковъ, накинуть легкій капотъ, безъ юбки. Онъ приводитъ ее къ намъ въ такомъ видѣ и говорить ей, показывая на меня: „Ну, вотъ онъ вамъ! Надѣюсь, что останетесь довольны мною“.

*) Нарышкинымъ. П. Б.

Она воспользовалась этимъ случаемъ и говорить ему: „Теперь недостаетъ только вашей записочки къ вице-канцлеру Воронцову, чтобъ попросить его посодѣйствовать въ Варшавѣ скорому возвращенію къ намъ нашего друга“.

Великій князь попросилъ принести столъ, но стола не оказалось; нашлась только доска, которую и положили ему на колѣни, и онъ написалъ карандашемъ убѣдительную записочку Воронцову на счетъ его содѣйствія, а мнѣ далъ, тоже карандашемъ написанную записочку, скрѣпленную рукой его фаворитки и хранящуюся у меня въ подлинникъ; въ ней стояло: „Вы можете быть увѣрены, что я сдѣлаю все на свѣтъ, чтобъ васъ вернули; буду говорить объ этомъ всѣмъ и докажу вамъ, что я не забываю васъ. Прошу васъ помнить обо мнѣ и вѣрить, что я навсегда останусь вашимъ другомъ и сдѣлаю все возможное, чтобъ быть вамъ полезной. Остаюсь вашей покорной слугой Елисавета Воронцова“.

Послѣ этого мы всѣ шестеро начали болтать, смѣяться, шалить съ маленькимъ фонтаномъ, находившимся въ этой гостиной, какъ будто у насъ не было никакихъ заботъ, и разошлись мы только въ 4 ч. утра.

Все приведенное здѣсь мною можетъ показаться невѣроятнымъ, но я свидѣтельствую, что это суцая правда; съ этой поры и началась наша короткая дружба съ Браницкимъ.

На другой день, всѣ смотрѣли на меня дружелюбиѣе. Великій князь заставилъ меня еще раза четыре проѣхаться въ Ораніенбаумъ. Пріѣзжалъ я туда вечеромъ, потайною лѣстницею подымался въ комнату великой княгини, гдѣ заставлялъ великаго князя и фаворитку его. Послѣ ужина, онъ уходилъ съ нею къ себѣ, говоря намъ: „Мнѣ кажется, дѣти, я вамъ болѣе не нуженъ!“ И я могъ оставаться съ великой княгиней сколько хотѣлъ.

Иванъ Ивановичъ говорилъ мнѣ любезности, Воронцовъ точно также. Однако я имѣлъ случай подмѣтить, что тутъ что-то не ясно, и что необходимо уѣхать. Разрѣшеніе было уже получено еще раньше и, наконецъ, я долженъ былъ покинуть Петербургъ.

Путешествіе мое было неудачное. Меня постигли всѣ несчастія, задерживающія путешественниковъ, и я только черезъ три недѣли добрался до Сельце, куда удалились мои родители, по кончинѣ моей бабушки Чарторижской, послѣдовавшей 20 Февраля этого года.

